

Фантастический рассказ **Фреда Уайта**

Рисунки худ. **С. Лодыгина**

Медгэм Чэнтри было идеальным местом для ученого или мечтателя, и Гарольду Глиссону только случайно удалось найти его. Не теряя времени, он приобрел его почти за бесценок. Это маленькое имение когда-то было монастырем, с обширными землями и быстрой, полной форелей, речкой, протекавшей по всей его длине.

Но теперь эта речка превратилась в чуть видный ручеек, а от старых зданий остался только большой амбар, в котором Глиссон производил свои научные опыты. Для собственного жилья он выстроил небольшой домик внутри высокой каменной ограды, защищавшей от посторонних глаз некогда обширный фруктовый сад. Этот фруктовый сад пользовался громкой известностью в те дни, когда монахи культивировали яблоки «фоксуэльс» и готовили из них самое лучшее яблочное вино.

Но к тому времени, когда Глиссон приобрел это поместье, фруктовый сад уже представлял собой одичавшую молодую поросль, перемежавшуюся со старыми искривленными деревьями, или совсем не дававшими плодов или дававшими очень небольшое количество их, да и то совершенно непригодных для еды. Всего через два года Глиссон каким-то чудом сумел опять превратить заглохший сад в роскошный питомник самых лучших сортов яблок.

Последние дни сад стоял весь покрытый морем розовых цветов. Красота его чувствовалась тем сильнее, что в этом году весна необычайно запоздала и за-

тянулась до середины мая, а еще недавно сад, с голыми почерневшими деревьями, имел печальный осенний вид. Теперь же он казался совершенно преображенным. Молодые яблони, из которых большинство, имело всего полтора-два метра высоты, казалось, были усыпаны цветами от земли до верхушек и обещали богатый урожай, если только поздний майский мороз не разрушит всех надежд Глиссона. Сухой мороз был бы не очень опасен теперь, когда цвет уже совсем распустился, но, если бы он грянул после дождя или мокрого снега, как часто случалось в этих краях, то ученому пришлось бы еще год ожидать результатов его важного опыта.

Он объяснил все это своему другу, доктору Джемсу Пеннанту, когда они сидели после завтрака на террасе домика, куря свои трубки. Здесь они были совершенно одни, так как Глиссон не держал прислуги, а всю домашнюю работу исполняла старуха, жившая в деревне. Она приходила ежедневно на несколько часов и уходила, как только все было убрано после обеда.

Довольно долго между Глиссоном и его гостем царил полное молчание. Они были старыми друзьями и товарищами по университету и, поскольку дело шло о науке, шли одним и тем же путем. В настоящее время Глиссон пригласил к себе друга, с которым давно уже не видался, чтобы показать ему свое замечательное открытие.

— Это открытие должно было бы иметь огромное значение, — говорил

Глиссон. — Вспомни, как мы издевались над этим в наши школьные дни и, однако, обсуждали возможность открытия наполовину серьезно. Но я никогда этого не забывал, Джим. Мечта эта все время преследовала меня и сильнее всего с тех пор, когда случай дал мне в руки «Пищу богов» Уэллса. Эта книга заставила меня немало подумать. Это, конечно, вымысел, но все же настолько убедительный... настолько убедительный, что я посвятил последние три года на то, чтобы осуществить его. А почему бы и нет?

Люди в одном отношении, пожалуй, не прогрессируют: они и раньше и в настоящее время питаются совершенно неподходящей пищей. Питание человека далеко не современно. В наше время высокого нервного напряжения нам нужно кое-что кроме калорий, которые можно извлечь из мяса. При той быстроте, с какой мы живем в настоящее время, мы скоро обратимся в совершенно беззубых людей. Ныне необходимо большое количество подходящей пищи, иначе последует общее безумие.

Разве мало в настоящее время в мире людей, находящихся на краю полного нервного расстройства! И опасность эта все увеличивается. Говорю тебе, Джим, что подходящую пищу найти необходимо, и, как мне кажется, я нашел ее. Позволь мне показать тебе кое-что...

Глиссон говорил почти шопотом. Тон его был необычайно серьезен. Он направился во фруктовый сад, где маленькие фруктовые деревья под яркими лучами солнца казались сплошной нежно-розовой и алой массой, и Пеннант, следовавший за своим другом, невольно залюбовался представившейся ему чарующей картиной.

— Какие удивительно крупные цветы! — воскликнул он.

— Никто никогда еще не видывал подобных цветов, — заметил Глиссон с гордостью. — Они единственные в своем роде.

Цветы, действительно, были единственными в своем роде. Они скорее походили на розы, чем на цвет плодовых деревьев. Ни один из них не имел менее трех дюймов в диаметре.

— Как ты умудрился этого добиться? — спросил Пеннант.

— Я обработал деревья электричеством, — объяснил Глиссон. — Ты, конечно, уже не раз слышал об этом. Совсем не новость взять растение и выгнать его под влиянием электрического тока. Я всему этому научился из статей профессора Боттомлея. Ему удалось вырастить такую пшеницу, что урожай удвоился, но этого для меня еще очень мало. Электричество — жизнь, а если оно жизнь для растений, почему бы ему не быть таковой и для человечества?

Я задал себе вопрос: если электрический ток может развить рост растений и увеличить их производительность, не имеется ли возможности увеличить ценность питательных веществ (в калориях), применяя электричество к пищевому продукту? Не удастся ли мне вывести плод, который будет обладать необычайно повышенной питательностью?

Прошлом лето я нарвал с дюжину яблок с единственного молодого дерева, на котором уже были плоды, и все они имели больше восемнадцати дюймов в диаметре. Я надеюсь, что в этом году они будут еще крупнее. Но практические результаты я надеюсь получить тогда, когда пчелы, в настоящее время лакомящиеся, как ты видишь, соком этих цветов, дадут нам мед.

— А прошлогодний мед? — спросил Пеннант.

— У меня было слишком мало этих крупных яблочных цветов, и тот мед, который пчелы извлекли из них, наверное, ослаблен медом из обычных цветов. К тому же осень была холодная и сырая, поэтому я оставил пчелам весь набранный ими мед, чему очень порадовался впоследствии, когда оказалось, что нынешняя весна такая поздняя. Но, принимая во внимание, что весь мед, собранный в этом году, будет в моем саду с этих изумительных цветов, — я ничуть не задумаюсь взять один из новых сотов для опытных целей.

— Если я правильно понял, то ты собираешься употребить мед с этих паразитических цветов в виде основы для твоей сверх-пищи. Не надеешься ли ты вывести пчел таких же крупных, как и цветы, если будешь кормить их медом, который они в данную минуту собирают с этого сада?

— Надеюсь, — спокойно проговорил Глиссон. — Я это уже делал в небольших размерах с некоторыми насекомыми и пока не отметил ни одного сомнительного результата. В нынешнем году пчелы будут роиться ненормально поздно, но, так как спешить тебе некуда и ты можешь прожить здесь с месяц или даже больше, то ты увидишь кое-что необычное, когда появится первый рой. А пока я не осмеливаюсь дотрагиваться до рам.

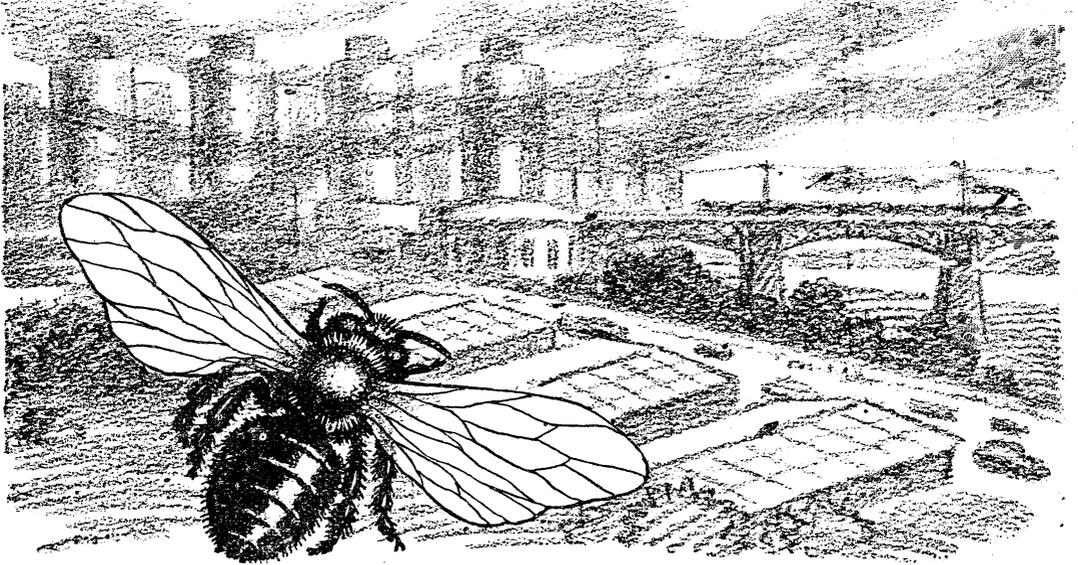
Пчелы жужжали в цветах яблонь, напоянная прибор летнего моря. Мимо пролетела оса. Пеннант указал Глиссону на нее.

— Почему бы тебе не проделать опыт на одном из вот этих насекомых? —

Пеннант указал на небольшую дворняжку, свернувшуюся клубком на крыльце у ног Глиссона. Собака эта как-то раз случайно зашла во двор и с тех пор поселилась у Глиссона.

— Это более чем вероятно, — ответил ему Глиссон. — Если окажется возможным развить животную жизнь в той же пропорции, в какой я развил растительную сторону природы, я это сделаю. Ты сам видишь, что я сделал с цветами. Но это было далеко не легким делом.

Каждый дюйм земли здесь, в саду, находится под влиянием сильного электрического тока от стоящего за амбаром динамо. Я сам привил эти яблоки карликовыми видами яблони, также обработан-

— Огромные пчелы, которых я надеюсь развести, — закончил Глиссон, — сделаются питательницами мира... Бык и баран, лосось и сельдь — будут забыты в пищевом обиходе людей, и, тем не менее, весь мир будет иметь сколько угодно пищи.

спросил он. — Не мог ли бы ты взять немножко нового меда из одного из ульев и скормить в осиный сот? Если я хорошо понял твой план, твоё изобретение заключается в новой пище для истощенных людей, которая произведет в них радикальное изменение. Эти сверх-цветы требуют сверх-пчел, чтобы уж быть логичным. Когда твои пчелы станут питаться новым медом, они должны будут сравняться ростом с орлом. Если бы ты стал кормить твоим медом вот эту собаку, то мог бы рассчитывать, что она сравняется с датским догом.

ными электричеством. Отсюда и получились эти паразитические цветы. Единственно, чего мне приходится бояться, это внезапного мороза после теплой погоды. И должен заметить, что вид неба в настоящую минуту мне не нравится.

Глиссон указал на легкую дымку, от которой шли длинные полосы по восточной части неба. Над головой ярко сияло солнце и в воздухе чувствовалась ласковая теплота лета.

Пеннант, повидимому, не обратил внимания на слова друга. Ум его был погружен в целый мир различных соображений.

— Это в высшей степени интересно, это грандиозно!—воскликнул он, увлекшись идеей Глиссона. — Полагаю, что ты не производил никаких личных опытов с этим новым медом?

— У меня пока не было лишнего меда для этой цели, — пояснил Глиссон. — Видишь ли, первые результаты были собраны только в течение нескольких последних дней. Весь мед еще в ульях и, искренно надеюсь, в новых сотах. Так как основой всех питательных ценностей является сахар, то у меня и зародилась идея начать с меда, изготовленного пчелами из этих сверх-нормально развитых цветов. Мед будет, кроме того, специально обработан препаратом, который я очень долго изготавливал.

Огромные пчелы, которых я надеюсь развести, сделаются питательницами мира. Человеку уже не будут нужны никакие животные. Бык и баран, лосось и сельдь — будут забыты в пищевом обиходе человечества, и, тем не менее, весь мир будет иметь сколько угодно пищи. Это звучит словно бред сумасшедшего, не так ли?

— И все же не один подобный бред, в конце-концов, осуществился, — заметил Пеннант. — А теперь поищем поблизости и посмотрим, не попадется ли нам где-нибудь осиное гнездо. Мне не терпится начать опыт.

Им пришлось искать довольно долго, но, наконец, они нашли осиное гнездо под валом, защищенным рядом ветел, на самом солнечном припеке. Так как гнездо было не из сильных, то овладеть им было нетрудно. Это было сделано при помощи куска пороховой нити, просунутой глубоко во входное отверстие гнезда и зажженной.

Пять минут спустя гнездо выкопали и горсточку черных с желтым обитательниц его уничтожили. В гнезде нашлось всего три небольших сота, цвета замазки, грубой овальной формы, окружностью в чайную чашку. В каждой из ячеек можно было различить осиную личинку через полупрозрачную восковую крышку; защищавшую личинку от воздуха.

— Это несколько лучше, чем я ожидал, — заметил Глиссон. — Нам, наверное, удастся ускорить развитие этих личинок в теплом месте, и дня через два мы

будем иметь из них насекомых. Я помещу их в кладовую. Но сперва нам придется их обработать.

— Это напоминает мне об одном случае из наших школьных дней, — рассмеялся Пеннант. — Ты помнишь тот день, когда мы раздобыли осиные личинки для рыбной ловли и поздно вечером положили их в кладовую в доме твоего отца. На другое же утро...

— Помню, — улыбнулся Глиссон. — Раннее утреннее солнце заставило их вывестись, и к завтраку весь дом кишел осами. Сомневаюсь, чтобы это повторилось в данном случае. Как бы то ни было, я должен придумать какой-нибудь способ накормить этих молодцов новым медом из сверх-цветов. Это потребует не мало труда и терпения.

Уже приближался вечер, когда Глиссон вошел в кабинет с небольшим куском медового сота в руке. Только восьмая часть рамки была наполнена маленькими шестиугольными ячейками, от которых испарялся такой аромат, какого Пеннанту еще никогда не приходилось обонять. От одного этого запаха вся кровь доктора заиграла, и он преисполнился еще никогда не испытанным им чувством восторга...

— Так, значит, и ты чувствуешь на себе влияние даже запаха этого меда, — прошептал Глиссон, заметив яркий блеск в глазах своего товарища. — Когда я впервые понюхал его, мне захотелось выйти на улицу и вступить в бой с первым встречным. И не то, чтобы я почувствовал хоть малейший задор или злобу. Это было похоже на необычайный и радостный под'ем духа, точно я попал в новый мир, где не было ни боли, ни страданий, ни повода к какой-либо тревоге...

Пеннант рассеянно кивнул головой. Он рассматривал прозрачную жидкость в ячейках сот, любуясь ее удивительным янтарным оттенком с золотыми искорками. Безбоязненно он коснулся открытого шестиугольника ячейки языком, и кислотовато-сладкий вкус меда наполнил его новым ощущением силы. Дворняжка Фриск, спокойно спавшая на полу, вдруг поднялась и принялась носиться по комнате с громким радостным лаем, точно и она почувствовала действие нового меда.

— Лучше уж не продолжай опыта, — посоветовал Глиссон, видя, что Пеннант снова собирается лизнуть меда. — Здесь, может быть, кроется какая-нибудь опасность, о которой мы и не подозреваем. Давай, прежде всего, посмотрим, каковы окажутся результаты опыта над осами.

— Дорогой мой друг, — заболтал весело Пеннант, — я готов сделать все, чего бы ты ни пожелал, даже стать на голову, если тебе это доставит удовольствие. Мне хочется смеяться и петь, мне хочется декламировать стихи. Неужели в жизни есть еще новая радость, о которой до сих пор никому и во сне не снилось! По крайней мере, я именно это чувствую. Как ты умудрился это сделать?

— Я много лет производил опыты, — серьезно ответил Глиссон. — Сперва я производил опыты над простыми питательными веществами. Я отыскивал высшую форму питания при минимальном требовании от пищеварительного аппарата. Затем я отправился в ботанический сад и стал изучать действие электричества на растения.

Я задался целью вырастить такое яблоко, какого свет еще никогда не видывал, главным образом, потому, что яблоко содержит в себе все элементы, необходимые для поддержания жизни организма на самой высоте. При помощи процесса элиминации¹⁾ и тщательной прививки я, наконец, достиг именно того, что мне было нужно, а потом принялся за устройство своей электрической станции, при помощи которой удобрял, так сказать, свой сад. Это произошло как раз после того, как мне посчастливилось найти здесь идеальное для моих опытов место. Я посадил деревья в специально приготовленную почву, обработанную препаратом моего изобретения из известных фосфатов и растительной пищи. В этом препарате заключались, между прочим, железо, кости и сушеное молоко.

Я решил, что, если мне удастся добыть подходящую пищу, я сумею развить таких людей, которые смогут физически устоять в обстановке современного нерв-

¹⁾ Отбор совершается как путем с о б и р а н и я полезных признаков, так и методом и с к л ю ч е н и я ненужных, вредных свойств. Элиминация — исключение.

ного напряжения. И я уверен, что иду по правильному пути. Когда я вывел этот чудовищный яблочный цвет, я обезумел от радости. Теперь, когда он окреп, самый тревожный период миновал. У меня будут невиданные плоды. Даже заморозки мне теперь уже не страшны, лишь бы это был сухой мороз. Если же мороз последует за дождем или градом, то в следующем году мне снова придется проделать весь опыт. Но, к счастью, я уже получил некоторое количество меда с этих поразительных цветов, и на этом меду я вскормлю новых пчел, которым предназначено снабдить всех сверхпищей.

Пеннант с глубочайшим интересом прислушивался к словам Глиссона. Прикосновение меда к его губам пробудило в нем совершенно новое ощущение жизни. Прежде всего, его ум точно прояснился и просветлел, а по телу разлилась упоительная сила и уверенность в будущем.

— Я думаю, что это простой вопрос времени, — сказал он. — Мне кажется, что старания твои должны увенчаться успехом. Но ты же не можешь сделать особенно много до осени, когда будешь свободно располагать медом из ульев. До тех пор тебе вряд ли удастся вывести этих чудовищных пчел.

— Возможно, что так, — проговорил Глиссон. — Однако, пока-что мы можем произвести опыт с этими осиными сотами.

Глиссон повел доктора в амбар, где у него была лаборатория и где он производил свои опыты. Из кучи всякого хлама, сложенного в углу, он вытащил стеклянный резервуар, раньше служивший аквариумом. Дно его было сделано из олова, а стены — из толстого зеркального стекла; к этому резервуару Глиссон подобрал крышку, которая закрывалась очень плотно, почти герметически.

— Мы пробуравим в крышке несколько отверстий, чтобы молодые осы могли дышать, — сказал он. — Нам совсем не нужно, чтобы они летали повсюду, когда выведутся. А теперь наблюдай!

Глиссон взял кусок сота с деткой, и с бесконечной осторожностью принялся при помощи иглы для подкожного впрыскивания вводить по крошечной капельке

нового меда в каждую отдельную ячейку. Каждая личинка получала свою долю меда и снова запечатывалась смесью из воска и клея.

— Надеюсь, что опыт выйдет удачным, — пробормотал Глиссон. — Есть, конечно, опасность, что, вводя новый мед, я ввел в ячейки и воздух, в каком случае личинки погибнут и весь наш труд пропадет даром. Но личинки уже довольно велики. Можно рассмотреть уже их голову, лапки и выпуклые глаза. Мы поместим их вот там, у западного окна, чтобы с наступлением вечера их озарило солнце. Раньше, чем совершенно стемнеет, я их снова переставлю, чтобы утром, как только солнце встанет, их снова пригрело.

Теперь оставалось только терпеливо ждать, чтобы солнечное тепло сделало все остальное. Становилось немного прохладно, когда оба ученых отправились в дом и сели за скромный ужин. На востоке, на небе замечалась какая-то особенная краснота и туманность, которая намекала на перемену в атмосфере. Глиссон посмотрел на небо с некоторым беспокойством.

— Я всегда чувствую некоторую тревогу в это время года, — пояснил он. — Погода так чертовски обманчива!

Страхи Глиссона, однако, не оправдались. Небо осталось ясным, и утро принесло с собой потоки солнечного света и ощущение ласковой мягкости в воздухе. К концу завтрака установилась совершенно летняя погода. В стеклянном резервуаре с осиными сотами пока не произошло никаких изменений, хотя, осмотрев соты, Глиссон сразу же заметил, что личинки в ячейках живы.

— Пока все идет хорошо, — сказал он Пеннанту. — Личинки, несомненно, чувствуют себя прекрасно. Заметь яркую синеву щупальцев и черноту полос на теле. Все они живы.

Дело обстояло именно так, как сказал Глиссон. При удаче весь выводок должен был увидеть дневной свет через несколько часов, может быть, через день.

На следующее утро Глиссон заторопился посмотреть результаты своего опыта. Он увидел картину, заставившую его затаить дыхание и отступить в тре-

воге и удивлении. Он протер себе глаза, как только-что проснувшийся человек.

На столе, у восточного окна амбара, лежали осколки стеклянного резервуара, в котором хранились осиные соты. Он был разбит на мелкие части, точно кто-нибудь нарочно раздробил его молотком. На столе, среди сверкающих осколков, лежали обломки осиных сотов — кучка сухой распыленной трухи. В этой сухой трухе не замечалось, однако, ни малейших признаков жизни, даже ни одного мертвого насекомого, раздавленного при общем крушении. Нигде не было видно живых ос.

Дворняжка Фриск, следовавшая по пятам за Глиссоном, лаяла со всеми признаками страха и злобы, опустив короткий хвост, и ее острый любопытный нос был поднят к крыше амбара, где темные тени скрывались во мраке...

Вдруг под стропилами амбара, там, где тени больше всего сгущались, раздавалось какое-то странное гуденье, словно от работавшей вдали молотилки, какой-то тонкий писк, словно от вырывающегося пара, затем свист, словно от крыльев какой-то огромной птицы, вившейся в воздухе над своей добычей. Затем, вдруг, опустилось какое-то кошмарное насекомое в фантастической черной с желтым полосатой одежде, парившее, точно вспышка молнии, на жужжащих крыльях, похожих на крылья гигантской стрекозы. С быстротой молнии чудовищное насекомое набросилось на несчастного Фриска, и через секунду собака уже лежала у ног своего хозяина мертвой.

Глиссон прирос к месту, не будучи в силах сдвинуться. Похолодев от ужаса, он наблюдал за невиданным существом, парившим над трупом собаки, которое затем опустилось на него и начало насыщаться кровью. Затем из сумрака стропил опустились второе и третье чудовища, точно коршуны, спускающиеся с неба на мертвого леопарда. На Глиссона они пока не обратили ни малейшего внимания...

На трупе Фриска сидела пара чудовищ, которых случайно вызвало к жизни изобретение Глиссона. Он, конечно, знал, что это такое. Сверх-пища

Полусонный клубок под крышей зашевелился, и взбудораженные осы собирались уже напасть на людей, но их встретили две струи смертоносной жидкости. Сразу целый дождь обожженных крыльев упал на головы Глиссона и Пеннанта, и десятки тяжелых тел с грохотом посыпались на пол.

оказала свое действие на соты, взятые из осино гнезда. Гигантские осы вывелись на рассвете этого лучезарного майского утра, и появились вооруженные, словно воины, чтобы потрясти мир. Своей открытой броней головой и точно стальными латами они разбили стеклянную тюрьму, вылетели и сгрудились под крышей амбара.

Они обладали всею дикой злобой и жестокостью своего племени, в тысячу раз большей силой, чем их прародители, и таким сильным ядом в хвостах, что он мог причинить мгновенную смерть всему живому. Глиссон сразу же сообразил это, когда увидел моментальную гибель Фриска.

И все же любопытство жаждущего новых открытий ученого превозмогло в нем чувство страха. Опыт ему удался. Новый мед, смешанный с его препаратом, породил этих новых гигантских насекомых.

Однако, самым важным вопросом теперь было скорее уничтожить эту смертельную опасность прежде, чем она рассеется по всей земле, точно эпидемия. Кто мог предугадать, как далеко эти летучие черно-желтые хищники занесут смерть и разрушение, если их не задержат и не уничтожат до того, как они вылетят на волю.

Но на одну минуту инстинкт ученого все же взял верх. Глиссон наклонился и стал рассматривать огромное полосатое чудовище, насыщавшееся кровью собаки.

По форме тела и окраске это была самая настоящая оса, но величиной с коршуна. Глиссон на-глаз определил, что тело имеет не менее двенадцати дюймов длины. Черно-желтое тело, странно похожее на футбольную фуфайку, сверкало стальным отливом и походило на броню какого-то нового вида; голова была тверда и похожа на роговую. Большой круглый зловеющий глаз насекомого напоминал большую рыбу чешую с огненной точкой посредине. Пока насекомое насыщалось, крылья его вибрировали, точно пропеллер самолета.

— Скажи же мне, что это такое? — спросил хриплый голос.

— Это ты, Пеннант? — едва мог проговорить Глиссон. — Ты давно уже здесь?

Если тебе дорога жизнь, двигайся поосторожней. Посмотри вверх над головой.

Все пространство под крышей представляло собой массу черно-желтых тел, чертящих в воздухе фантастические узоры, и воздух трепетал от визга их крыльев. Звук походил на звук ветра, играющего в путанице телефонных проводов. Затем еще одно из чудовищ спустилось на труп собаки и запустило жало в коричневый мех.

Нервы Глиссона, наконец, не выдержали, и он бросился бежать в сопровождении Пеннанта, у которого едва хватило присутствия духа на то, чтобы закрыть за собой дверь амбара. Точно двое сумасшедших пробежали они несколько метров, которые отделяли амбар от входа в дом. Задышавшись и почти теряя сознание, Глиссон схватил дрожащей рукой графин и налил два больших стакана вина. Несколько минут ни один из друзей не произнес ни слова.

— Что же это значит? — спросил, наконец, Пеннант.

— Увы, друг мой, — пробормотал Глиссон. — Опыт мой оказался слишком удачным. Моей идеей было создать сверх-породу людей, которая сумела бы построить новый и лучший мир силой своего умственного и физического превосходства. Это чудо должна была изобретенная мною сверх-пища, и, наверное, она это и осуществила бы. Насколько дело это мне удалось, ты видел сам... Обыкновенная оса — отвратительное насекомое, но ты видел, что я из нее сделал!

— Крылатое хищное чудовище, — подсказал Пеннант.

— Боюсь, что так. Я видел, как собака издохла, точно пораженная молнией. Это могло случиться и со мной. Я думаю, что укол такого жала смертелен для всякого живого существа. Если мы упустим этих ужасных хищников, то они размножатся, и никакая жизнь не будет застрахована от них. Мы должны немедленно истребить их.

— Но как ты это сделаешь? — спросил Пеннант. — Вдруг они разобьют окна, как разбили стеклянные стенки резервуара. Я видел, что случилось. Ни за

что на свете не вошел бы я снова в этот амбар!

— Надо поджечь амбар, — воскликнул с отчаянием Глиссон. — Надо облить его бензином.

— Да, и вызвать сюда через несколько минут пожарную команду. Но даже и такое отчаянное средство может не оказать желаемого результата. Представь себе, что при первом признаке дыма и пламени осы разлетятся, разбив стекла...

Глиссон уныло кивнул головой. Предположение Пеннанта было вполне основательно.

«Нет, — думал Глиссон, — насекомых необходимо уничтожить, и раз это будет выполнено, я уже больше не стану повторять своих опытов с сверх-пищей. Новый мед, имеющийся в ульях, будет уничтожен, и все следы этого ужасного опыта затерты. Но как это сделать!?»

Глиссон просидел все утро, глубоко задумавшись над этой задачей. Он совершенно не мог думать ни о пище, ни о собственном удобстве, пока эта задача не была разрешена.

Пока медленно тянувшийся день клонился к вечеру, к солнечному закату, он десятки раз выходил из дому, чтобы посмотреть, целы ли окна амбара. Он мог слышать глухое жужжание и визг исполнских ос внутри амбара.

Цветы яблонь, величиною с розу, и нарциссы, стоящие в саду на стеблях, подобных стеблям подсолнухов, его уже больше не интересовали...

Глиссон поднял глаза к небу, и внезапная мысль пробудилась в нем. В лицо ему дунул порыв резкого, холодного ветра. Он взглянул вверх на стоящий на крыше амбара флюгер. Ветер сразу повернул к востоку, небо стало хмурым и приняло медный оттенок.

— Ах, если бы только настал мороз! — простонал он. — Это единственное, чего я жажду в данную минуту.

Глубокая тишина спустилась на землю, когда Глиссон направился обратно к дому. Теперь уже в груди его теплилась надежда. Пеннант уловил выражение лица своего друга и с интересом повернулся к нему.

— Ну, что же, — спросил он, — что-нибудь случилось?

— У нас будет сильный мороз, — заявил Глиссон. — Он, быть может, окажется нашим спасителем. Пока еще окна целы, я полагаю, ни один из этих дьяволов не выберется на волю. Как бы то ни было, теперь они уже пробудут там до утра: их природный инстинкт, вероятно, предупредил их о перемене погоды, а холода они боятся. Кроме того, я придумал план, Пеннант. Вот в том старом дубовом ящике ты найдешь несколько пар резиновых перчаток, которыми я пользуюсь при анатомировании. Вытащи их, а затем дойди до гаража и принеси те автомобильные рукавицы, в которых ты приехал сюда на своем авто. Мои — найдешь в коляске мотоциклетки. Принеси кстати и оба передних автомобильных фонаря. У меня в спальне есть маленькая батарейка.

Пеннант не стал пока задавать никаких вопросов и вскоре вернулся со всем, что было нужно Глиссону. Глиссон принялся устраивать что-то вроде прожектора, соединив свою батарею с фонарем автомобиля. Покончив с этим, он отправился в кладовую, откуда вскоре вернулся с двумя бутылками, содержащими какую-то жидкость. С этими бутылками он обращался крайне осторожно, сперва надев толстые кожаные рукавицы поверх перчаток.

— Это раствор серной кислоты с различными добавлениями, — пояснил он угрюмо. — Вещество это ужасно, когда приходит в соприкосновение с какой-нибудь чувствительной материей. Помоги мне донести эти бутылки до дверей амбара, да обращай с ними поосторожнее.

Пеннант не стал задавать никаких вопросов. Он был так же сильно озабочен черно-желтой опасностью, как и сам Глиссон. Поэтому он взял часть ноши, и скоро бутылки со смертоносной жидкостью стояли у амбара.

— Предстоящее нам дело очень опасно, не стану скрывать этого от тебя, — тихо пробормотал Глиссон. — Мы подвергаемся смертельной опасности, идя на бой с этими летающими чудовищами. Если они ужалят нас — мы погибли.

Затем они с Пеннантом оделись в свои автомобильные костюмы, включая и очки, и тщательно обвязали рукави-

цы вокруг кистей рук. Покончив с этим, Глиссон достал пару фехтовальных масок, которыми они покрыли головы, защитив шею и уши шерстяными шарфами. Снаряжение их дополнилось двумя большими медными шприцами.

— Теперь ты понимаешь, что я собираюсь сделать, — заметил Глиссон. — Мы уничтожим этих чудовищ при помощи раствора серной кислоты. Дай мне только посмотреть на термометр...

Было одиннадцать градусов мороза, а восточный ветер резал уже лицо, точно лезвие ножа. Глиссон взял в руки прожектор, распахнул двери амбара и осветил внутренность амбара с полу до крыши яркими лучами.

С балки, на которую опиралась крыша, свешивался спутанный клубок черно-желтых тел ос, наполовину уснувших в морозном воздухе. Однако, ослепительный свет заставил их завешелиться, а одно из гигантских насекомых отделилось от остальной массы и угрожающе затрепетало в воздухе с резким свистом крыльев, звучащим, точно смертный приговор.

На полу лежал скелет собаки, почти совершенно очищенный от мяса, с прицепившимся к нему десятком ос, находящихся в полусонном состоянии.

Глиссон подал знак Пеннанту, и оба открыв внесенные бутылки с серной кислотой, наполнили ею свои шприцы.

— Осторожнее, — предупредил Глиссон. — Спокойный человек всегда лучше сделает свое дело. Пытайся выпустить жидкость так, чтобы ни одна капля ее не попала на твои рукавицы. А теперь направь струю прямо на труп собаки.

Кислота упала молчаливым дождем, куда было указано, и вслед за этим облако, окутанное в золотой пурпур, поднялось со скелета. Затем туман снова опустился, точно стустившийся пар, и масса извивающихся тел рухнула в виде дымящейся смеси.

— Наполни снова шприц. А теперь оба вместе — прямо в крышу.

И было время. Полусонный клубок зашевелился, и взбудораженные осы собирались уже напасть на людей, но их встретили две струи смертоносной жидкости. Сразу целый дождь обожженных крыльев упал на головы нападающих, и штук двадцать или больше тяжелых тел с грохотом посыпалось на пол. Снова понесся жгучий град капель кислоты, дымящейся и обращающейся в пар. Ужасный, резкий визг над головами постепенно замер, и наступила полная тишина. Ни одной из гигантских ос не осталось в живых.

Два друга стали быстро срывать с себя удушливую броню, точно люди, близкие к последнему издыханию. Да так и было в действительности. Резкий, холодный ночной воздух приятно оживил напряженные нервы и успокоил их.

— Какое счастье, что мы покончили с этими тварями! — воскликнул взволнованно Глиссон. — Джим, никогда уж больше не стану я вмешиваться в установленное природой равновесие. Своевременный мороз явился истинным благодетелем. Не будь его, эти дьяволы непременно разлетелись бы. Слушай, Джим, эта история касается только нас и должна остаться нашим секретом. Давай подметим остатки и тщательно уничтожим все следы моего ужасного опыта...